

Н.Г. Агеев-Трифонов

**Стихи и песни из карельского
быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н11

Н11 **Н.Г. Агеев-Трифонов**
Стихи и песни из карельского быта / Н.Г. Агеев-Трифонов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 48 с.

ISBN 978-5-458-12058-6

ISBN 978-5-458-12058-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И старушечкѣ Федосьѣ,
Въ селѣ цѣны не знали,
Бабы съ мужьями при ссорѣ,
Той Федосьею пугали.
Дочь ея Марьюша
Дѣвушкой осталась,
Не беретъ Ильюша
Знахаркой чтобъ не сталась.

Дѣдушкины лапти.

Дѣдъ Евлампій за лаптями
Проводилъ свой долгій вѣкъ,
Вязалъ красиво съ узорками
Давалъ на роскоши намекъ.
Сидитъ бывало за лаптями,
И внуку Гришѣ говоритъ:
«Попомнишь дѣдушку словами,
Тебѣ коль вѣку Богъ продлить.
Никто такъ крѣпко не обяжетъ
Лапоточковъ для внука.
И спасибо не вспомнеть
Никто такъ дѣда старика.
Неси-же бережно мой внучекъ,
Хватить ихъ до Петрова
А тамъ идти въ монастыречекъ
Дѣдъ свяжетъ новы для тебя.
Теперь въ лѣсу березки сочны
Въ покрывалахъ зеленыхъ,
Тото будутъ лапоточки
Лучше шкурокъ мѣховыхъ.
А сдирати-то бересту
Дѣдъ твой будетъ не попросту,

Онъ возьметъ съ собой клинокъ
Да заостренный черенокъ». «А ты дѣдушка послушай,
Березки той не досади.
За берестой пойдешь нашей
Такъ меня съ собой возьми.
Тамъ брусники зимовалой
Соберемъ съ тобою мы,
За одно и вѣникъ банной
Тамъ захватимъ для зимы?»
«Хорошо, возьму съ собою,
Вѣникъ можно захватить,
Но брусникой подснежною
Не могу ужъ угостить!
Она съ Егорья дня спадаетъ,
А нонѣ, день Николы въ четвергъ,
Заранѣ дѣдъ не общаетъ,
Что не могу такъ не могу!»
«Развѣ ужъ брусника спала?
Я хотѣлъ ее набрать!
Плохо знаетъ моя мама,
Вчера собралась ихъ собирать».
«Насъ съ тобой не угостила.
Потому, что не нашла,
Вечеръ Катѣ говорила;—
Брусника нова зацвѣла».
«Ну хорошо, хоть вѣникъ, лапти
Ты мнѣ дѣдушка устройшь,
А корзинку сестрѣ Катѣ,
На именины ты подаришь?
«Подарю корзинку Катѣ,
А тебѣ ужъ лапотки,
Только вы ребятки знайте,
Любите дѣда на предки».

И съ любовью лапоточки
Мальчикъ Гришенька топталъ,
Въ лѣсъ ходилъ на ягодочки
И грибы въ нихъ собиралъ.
Онъ и въ школѣ въ нихъ учился
На доглядъ луговъ ходилъ,
Съ лаптями Гриша разлучился
Когда жить въ городъ уходилъ.
Предъ уходомъ на послѣднѣ,
Гриша дѣдушку просилъ:
«Слушай, дѣдушка Евлампій,
Ты мнѣ лапти сохрани»
Евлампій лапти спряталъ,
Въ чуланъ повѣсивъ въ потолокъ.
И завидя лапти—плачетъ
Что внучекъ въ городѣ живетъ,

Въ дорогѣ.

Проѣзжая перекрестку
Ванька Горевъ прекрестился,
За горою гдѣ-то близко
Звонъ вечерній доносился.—
—«Ба! Скоро значить Заостровье!!
Тутъ могу и отдохнуть!!
А не лучше-ли въ Верховье?
И прижалъ по крѣпче кнутъ.—
У харчевника Максима
Хорошо кормить коня.
Поговорить съ нимъ очень мило
Онъ простущій старина».
Дернулъ возжи, взвизгнулъ кнутъ
И рысцой понесся.

—«Въ Верховье «Бурка» отдохнуть,
А теперь помчишься».
Блещет лунный лучъ надъ Свирью
Ужъ Заостровскіе поля,
Ѣдетъ Ванька крупной рысью
Въ поселочекъ Верховья.
Чрезъ минуту конь храпитъ,
У воротъ тесовыхъ
На крыльцѣ Иванъ стучитъ
«Пустите-ка на отдыхъ».
—Замелькала въ сѣняхъ свѣчка,
Звякнули ворота.
Иванъ увидѣлъ старичка
Максимушку Забота.
—«Ну въѣзжай скорѣй крещеный,
Чай, на улицѣ морозъ.
А ворота отворены,
Старика захватить дрожь».
—«Сейчасъ—сейчасъ Заботка!
Дай полозья лишь забрать.
—Впередъ немного «Бурка»,
Ну, ужъ можно запирасть!»
Пыхтитъ пузатый самоваръ,
Чай Маша разливаетъ.
Иванъ усатый что гусаръ,
Про Питеръ имъ болтаетъ:
—«Сколько лѣтъ не проживалъ,
Во матушкѣ столицѣ,
Такихъ чудесинъ не видалъ
Какъ въ самолетѣ прокатиться;
Несется бестыа что духъ,
Даже жутко видѣть,
Заореть, словно пѣтухъ,
Иль допотопный извергъ.

Вотъ исторію какую
Расскажу тебѣ Заботка:
О Рождествѣ въ народный домъ
Съ портнихой Ириной
Покатили мы вдвоемъ
Съ этой машиной.
И чтожъ «Забота» думалъ ты?
Въ участкѣ очутился,
Шошверъ въ щепки разбился,
Ирину въ лазаретъ лечится,
Отъ фонарнаго столба,
Чуть въ Неву не скокнулъ,
А шошверъ видно что болванъ,
— На городского грохнулъ.
Вижу дѣло, что бѣда;
Говорю: слезай Ирина.
Она въ отвѣтъ ни не, ни да,
У ней свернулась спина.
Такъ вотъ чудесъ въ столицѣ
Какихъ я навидался,
Ирина и теперь въ больницѣ
А шошверъ живъ, знамо не остался.
Потомъ въ участкѣ протоколъ.
Ужъ тамъ я извинился,
Они въ отвѣтъ мнѣ—хо-хо-хо.
Говорятъ: «Славно прокатился».
Да и вина то не моя,
Они какъ разсудили,
Шошвера спросить нельзя,
А Ирина чуть жива,
Потомъ меня и отпустили».
— „Вотъ это чудо—да!
— Сказалъ Максимъ, тряхнувъ бородою—
А дорожали эта чепуха?

Что давить такъ народу? "

— „Дорога или дешевка,

А тысячь десять, говорятъ,

Стоить эта людодавка.

А господа, катятъ себѣ катятъ“.

Да, ужъ эти господа,

Имъ жить ужъ надоѣла,

Или ума на три гроша,

Коль въ людодавкѣ ѣздятъ смѣло...

Да и все то повернулось,

Жизть пошла ко верху дномъ.

Лавошникъ нашъ понесъ,

Съ Питера привезъ, какой-то гармофонъ.

И топерь въ его то домѣ,

Поетъ, свиститъ, скрипитъ.

Словно камень въ мукамольтѣ,

Шестерней вертитъ...

Я ходилъ, смотрѣлъ ту штуку,

Тожъ оретъ, смѣется говоритъ,

Дажъ заглянуть-то побоялся въ трубку,

Тамъ будто человѣкъ живой сидитъ.

Ну, и времечки настали,

Про такіе диковины

Мы прежде въ сказкахъ не слыхали,

А вотъ нате, въ яво увидимъ нынѣ...

Ужъ очень милостивъ-то Богъ,

Я-бъ такъ этихъ шатуновъ,—

Кто первый сдѣлалъ самолетъ,

Да кто придумалъ гармофоновъ,

Кажется, въ исподнюю-бъ запекъ.

Тамъ пусть-бы нечистей давили

Да вертели-бъ шестерней

Пускай-бы ихъ тамъ и мутили

А не народъ, крещеный и чесной".
—Такое, заключеніе и взглядъ,
Имѣлъ Максимъ Заботка.
Мужика наукой не донять,
Изобрѣтеніе, ему—суть сумасводка.

Возвращеніе принятымъ.

— Машенька—Маща, тебя-ли я вижу?
Никакъ уже вся ты въ слезахъ?
Ужели Мамаша дала ты въ обиду,
Аль узнала, что я ужъ солдатъ?
Не плачь, дорогая, высуши глазки,
Не лей по напрасну младую слезу;
Вѣдь служба то нонѣ, всего-то три пасхи,
Да три рождества безъ тебя проведу.
— Ай, Гришенька—Гриша, уже ты вер-
нулся?
А я думала, не раньше какъ завтра,
А соколикъ ужъ здѣсь, такъ скорѣй
же цѣлуйся,
Да о пріемѣ огласки ты самъ мнѣ по-
правь-ка!
Ирина сказала, что будешь на флотѣ,
Такъ по картамъ она говоритъ,
А дѣдъ Еремѣй говоритъ, что въ пѣ-
хотѣ,
Гвардійскомъ ты будешь, ты ростомъ
великъ.
— Не знаетъ Ирина, ни дѣдъ Еремѣй,
Да и самъ я не знаю куда-то уцлѣють,
На службицу принять, одно разумѣй,
А мнѣ-жъ безъ разбору, гдѣ хошъ от-
несу.

Только и горя моя золотая,
Жаль мнѣ тебя голубицу,
Оставить одну и, трехъ лѣтъ не лаская
Не увидѣть тебя круглолицу,
Вотъ лишь только меня что снѣдаетъ
И серденько мретъ по тебѣ,
А коль дожидаться меня обѣщаешь,
То легче и службу нести будетъ мнѣ.
Что семейка родная, то и Маша желан-
ная,

Мнѣ равны вы, дороги, всѣ по душѣ,
Роятся мысли въ мозгу все туманныя,
Лучше-бъ на свѣтъ не родиться мнѣ!
Въ одинъ годъ мы родились съ тобой.
Вмѣстѣ росли, играли, купались.
Чтобы и стало съ моей головою,
Еслибъ въ жены тебя, да другому от-
дали?

— Еще сумлеваешься милый-ты Гриша,
Съ малыхъ то лѣтъ мы другъ-друга
любили,

Да нешто измѣнить тебѣ твоя Маша!
Боюсь одно, что-бъ тамъ тебя не сгу-
били!

Тамъ во полкахъ-то вѣдь есть охвицеры,
А у нихъ-то куфарки жирны
Да мало-ли прочей сестры нашей дщери.
До солдатиковъ Гришекъ онѣ безмѣрны.
Иль деньшикомъ, или унтеромъ будешь
То-то забрякаешь пашкой своей,
И сразу-то Машу свою позабудешь
Тогда-бъ ужъ не жить головѣ-то моей,
Какъ слышу про-то, въ колодець
спущуся,

И раньше, чѣмъ со службы вернешся,
Въ могилѣ сырой до тебя приучуся,
Если меня позабудешь, отъ меня отвер-
нешься.

— Машенька, Маша моя дорогая,
Никогда этому такъ не бывать,
Я не баранъ, чтобы спутавшись съ стада,
Мягкошерстныхъ овецъ забывать!
Ни кухарка меня не соблазнить,
Ни портниха иголкой проткнетъ,
Ажъ сама барыня меня не заманить
И барышня сердце мое не порветъ!
Твоимъ я останусь, на вѣкъ до-могилы,
Никогда не въ силѣ, тебѣ измѣнять.
Хотѣ-бы мнѣ золота горы сулили,
И то, на тебя я не сталъ-бы мѣнять.
Буде бѣсъ во башку поселится
И станетъ мозги тамъ плутать,
И то днемъ и ночью я буду креститься
И въ молитвѣ тебя поминать!
Со службы тебѣ я письмо нарисую,
Какъ сподобится тамъ, поживать,
Стать можетъ и въ отпуску буду,
Приѣду домой, могу и тебя повидать...
Да слышь Маша, сегодня у насъ ве-
чериночка буде,
Въ честь-то моихъ проводовъ.
Степуръ съ балалайкой, Тимка-то съ
бубнемъ,
Микешка съ тальянкой и весь хороводъ.
Такъ приходи-же ты Маша на вечеръ,
Всего намъ вмѣстѣхъ три денька,
На службу уѣду по-утру въ четвергъ,

А тамъ, наша встрѣча съ тобой , не
близка...

Приду обязательно, буду-же Гришенька,
Мама отпустить меня до утра,
Вѣдь вѣдаетъ то, что на службицу ду-
шенька

Гриша уѣдетъ съ утра четверга...
Да постой-же немного, что тебѣ раз-
скажу:

Ты какъ уѣхалъ на призывъ, такъ я,
День и ночь о тебѣ мой дружокъ хло-
почу:

Я для тебя два платка приготовила,
Рубашку изъ ситца, вышила грудь,
Одно полотенце, портянки отштопала,
Только мой голубь, меня не забудь.
Съ шеи дамъ крестикъ, хотя онъ изъ
мѣди,

Но всеже за память и вѣрность мою,
Ты будешь носить, вспоминая все тѣ
дни,

Когда ты росъ дома, любилъ Машу свою.
— Ой золокудрая ты моя маша,
Такъ дай-же еще мнѣ одинъ поцѣлуй,
За то, что любовь неизмѣнная наша,
Объ измѣнѣ ни гу-гу-не толкуй.
Все, что ты для меня приготовила
Я на память себѣ все возьму,
А тебѣ-же моя, недурная горлица,
Кольцо изъ серебра, тоже крестъ свой
даю.

А покуда прощай, приходиже на вечеръ,
Я буду тебя на дому ожидать,
Сестренка моя, за тобою прибѣгнетъ,